

В плену семейственности

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В течение зимнего сезона 1950—1951 гг. Ульяновский областной драматический театр показал зрителю много новых пьес, в значительном большинстве — пьесы советских драматургов. Однако по своему качеству все эти спектакли отличаются искажительной неровностью, а некоторые из них оказались попросту очень слабыми. Объясняется это отсутствием единых творческих принципов и методов в работе режиссеров, зачастую неправильным распределением ролей и, наконец, полнейшим хаосом в художественном руководстве.

Главный режиссер театра А. Треплев за два года работы не сумел объединить вокруг себя коллектив, направить усилия актеров по единому руслу. Будучи режиссером с большим стажем, с богатым опытом, А. Треплев фактически самоустранялся от руководства творческой жизнью театра, перестал волноваться за работу других режиссеров, за выполнение плана. На протяжении всего сезона репертуарный план то и дело ломался, менялся на ходу, что и привело театр к тяжелому материальному кризису. Безответственное отношение главного режиссера к своим обязанностям проявилось и в том, что спектакль «Любовь Яровая», поставленный к Октябрьским праздникам 1950 года режиссером М. Забунским, а позднее его же работы «Потерянный дом», «Не наше дело» и «Закон Джамурга» оказались недоброкачественными и были восприняты общественностью города как крупные неудачи театра.

Работа Треплева строится на приятельских и семейных отношениях. Привезя с собой из г. Молотова, где он работал прежде, группу актеров, он старался строить весь репертуар только на них. Жена Треплева, актриса К. Фесенко, возведена им в ранг ведущей актрисы театра — исполнительницы основных женских ролей, хотя не имеет для этого необходимых данных и успехом у зрителей не пользуется. Столь же незаслуженно выдвигалась на ответственные роли и артистка В. Часовникова, ученица Треплева. Она была занята почти во всех спектаклях, несмотря на холодный прием, складываемый ей зрителями. Кончилось тем, что непосильная для молодой, неопытной актрисы работа сказалась на ее здоровье, и Часовникова должна была уехать на лечение.

Интересы своей жены Треплев ставит выше интересов театра. Назначив Фесенко на основную женскую роль в спектакле «Семья», он с большим трудом согласился поручить эту роль также заслуженной артистке Удмуртской АССР А. Горюновой. На просмотре готового спектакля комиссия не приняла исполнения К. Фесенко. Но помогла и еще одна приемка спектакля, на которой специально для Фесенко настоял Треплев.

Безответственное и неприязненное отношение Треплева к работе должно было бы встретить оппор с стороны директора театра. Но, к сожалению, и директор Б. Абажнев мало чем отличается от главного режиссера. Первое появление его в театре зимой 1950 года ознаменовалось тем, что на ведущее положение была назначена его жена артистка Н. Сухорукова. На протяжении всего сезона между двумя руководителями театра шла неустанная борьба за роли для своих жен, возможности которых оба они явно переоценивали. Все это отражалось на работе театра, на его творческой жизни.

Стиль руководства, усвоенный Абажневым, вызывает у актеров возмущение. Директор исподтишка в своем заново отделанном кабинете тонны бумаги по любому вопросу. Его бюрократизм стал анекдотом в театре и в городе. Попастъ к нему в кабинет невозможно. Он глубоко погружен в бумажной волокиты, в делачестве и голом администрировании. Абажневу ничего не стоит явиться

на черновую репетицию и, пользуясь своим правом директора, вмешиваться в работу, делать многочисленные и безапелляционные указания актерам, дискредитируя присутствующего здесь же режиссера. Его замечания на производственных совещаниях часто бестактны, оскорбительны.

Пространные резолюции Абажнева можно видеть даже на эскизах оформления, выставленных для обозрения в фойе театра. В них он своеобразно заменяет даже стиль декораций. За всем этим директор театра «забывает» о своих прямых обязанностях, мало заботится о выполнении производственно-финансового плана, о работе по организации зрителя.

Выпуск новых спектаклей, как правило, задерживался, четкого графика в работе не существовало, как не было и твердого репертуарного плана. Театр плетется в госте, показывая пьесы, давно уже прошедшие в других городах, обходя хорошие советские и классические пьесы. Нужно сказать, что даже при выборе репертуара гг. Абажнев и Треплев руководствуются «семейными» соображениями.

На протяжении всего сезона не уделялось внимания параллельным спектаклям, подготовке хорошего, интересного репертуара для летних гастролей. По вине Абажнева гастроли были сорваны, театр остался в Ульяновске без нового репертуара и без зрителя. Желая «блеснуть», Абажнев устраивает поездку театра в районный центр Карсув. Выезжает почти весь состав театра в количестве 50 человек с декорациями для трех спектаклей. Сам Абажнев выехал вперед для «организации зрителя». Однако все спектакли в Карсуве прошли при допущенном зале. Дорогостоящая недельная поездка из-за плохой организации дала крупный дефицит, легший на плечи театра.

Плохо в театре с кадрами. Труппа была сформирована явно неправильно. Нет актеров на многие ведущие роли. Зато слишком много актрис одного и того же плана. Некоторые во них почти не показываются в театре, но регулярно расписываются в ведомости на зарплату. Мало в театре способной молодежи, но и с той, которая была, не велось никакой серьезной воспитательной работы. Этим и объясняется, что почти все молодые артисты подали заявления об уходе. Пышнейшей осенью из театра ушло 12 творческих работников, в том числе девять актеров.

Неверным было бы думать, что эти и другие работники театра на протяжении всего сезона молчаливо терпели «стиль» работы гг. Абажнева и Треплева, мирялись с отставанием театра, с порядками в нем. Нет, голос критики, резкой и справедливой, неоднократно раздавался на собраниях в театре. И всякий раз Абажнев охотно каялся в своих ошибках. Но все оставалось по-старому.

Не помогли и многочисленные письма и сигналы в Комитет по делам искусств РСФСР, в местные организации. В Комитете ограничались беседой с т. Абажневым и начальником областного отдела искусств т. К. Толстым. Ничего не сделано Комитетом и для пополнения укомплектования труппы театра.

С тяжелым чувством подавали мы заявления об уходе из театра. Не хотелось больше работать с т. Абажневым, и то время как есть десятки других театров, где можно с большой пользой применить свои силы, работая в нормальной, подлинно творческой обстановке. И в то же время обидно за Ульяновский театр, за коллектив, который способен жить полноценной творческой жизнью, создавать высокохудожественные спектакли, достойные славного города, в котором он работает. Для этого нужны настоящие руководители.

Артист А. ПОКОРСКИЙ.

Советское Искусство
г. Москва

22 ОКТ 1951